

«Фишка Александры Мироновой: предсказуемо не будет».
НАТАЛЬЯ ПОЛЯНСКАЯ, ПИСАТЕЛЬ

АЛЕКСАНДРА
МИРОНОВА

ПО ИМЕНИ ВЕТЕР

Унеси меня из ада

18+

Александра Васильевна Миронова

По имени Ветер

Серия «Вслед за мечтой.

Романы А. Мироновой»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69528454

По имени Ветер:

ISBN 978-5-04-190765-5

Аннотация

В этом романе Александра Миронова по полной реализовала свою любовь к напряженным, остросюжетным историям. Читателя ждет таинственный, полный странностей особняк, загадочные смерти и поиск виновных. А на десерт – любовь, расцветающая вопреки страшным обстоятельствам.

Вся жизнь Есении протекает в тени мужа – всемирно известного композитора – и в борьбе с его внутренними демонами. В отчаянной попытке спасти супруга она соглашается на переезд в старинный особняк. Есения надеется наладить жизнь, стремительно несущуюся в пропасть.

Но странный дом будто не рад новым хозяевам. Странные голоса, шорохи, распахнутые окна, зажигающиеся вдруг свечи... После спиритического сеанса становится только хуже: кровавые надписи на стенах предвещают смерть. И это не пустые угрозы.

Есения понимает, что угодила в свой худший кошмар. И в этот момент в ее жизнь врывается обаятельный и похожий на глоток свежего воздуха Ветер...

Александра Васильевна Миронова По имени Ветер

© Миронова А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Творчество – это болезнь души, подобно тому,
как жемчужина есть болезнь моллюска.*

Генрих Гейне

Мой сад – мой самый прекрасный шедевр.

Клод Монэ

Дом отпугивал и притягивал одновременно. Стоящий высоко на холме, он доминировал над поселком, расположившимся у подножия. Подавляя величием, роскошью и великолепием, которого никогда не достичь тем, кто внизу.

Не в силах отвести взгляд от огромного дома, что на мгновение заслонил ей солнце, Есения пыталась разобраться в собственных чувствах. Дом, хотя домом язык не поворачивался его назвать, куда более ему подходило неожиданно всплывшее откуда-то из глубин памяти французское *maison* – «особняк», – вызывал желание подойти поближе, потянуть на себя тяжелую входную дверь, окунуться в вековую прохладу, пробежаться босиком по старинным плитам, касаясь

руками стен и перил, чувствуя, как холод пробирается в самое сердце, пронзает тело и превращает кровь в лед. Затем, согревшись светом из витражных окон, ожить, отпереть все закрытые на замки двери, заглянуть в потайные комнаты и познакомиться с призраком (в таком доме наверняка должен обитать призрак!) и, возможно, подружиться с ним. Но, глядя на особняк, Есения не могла отделаться от мысли, что некоторым дверям лучше оставаться закрытыми навсегда.

Она с трудом подавила желание схватить мужа за руку и начать умолять его вернуться назад, в привычную жизнь, где все знакомо и безопасно.

Но даже упади она сейчас на колени и залейся слезами, Ян вряд ли станет ее слушать. В отличие от жены, едва завидев дом, он немедленно пришел в детский восторг. Приказал шоферу остановиться на обочине – ему хотелось насладиться видом новой собственности и размять ноги после почти пяти часов пути.

Поселок, в котором формально был расположен дом, не сразу отыскался на карте. Лишь созвонившись с его хранителем, Есения смогла выяснить, где именно находилось так неожиданно свалившееся на их голову наследство. Точнее, на голову Яна. Ведь только ему могли дарить столь шикарные подарки. К особняку прилагались еще пять гектаров земли, находящейся в заповедной зоне.

– Ясечка, смотри, какой шик! – воскликнул Ян.

Как давно Есения не видела на лице мужа такой искрен-

ней улыбки.

Казалось, все это осталось далеко в детстве, которое уже не вернуть. Но нет, оказывается, Есения ошиблась. Все это время улыбка была жива, просто пряталась под грузом лет, ошибок, страстей и пороков. Но сейчас она снова расцвела.

Ян был в восторге. Приплясывал, что-то напевал под нос – кажется, что-то новенькое. И делал бесконечные фотографии.

– Может быть, ближе подъедем? – робко, боясь спугнуть хорошее настроение мужа, предложила Есения, когда спустя пятнадцать минут Ян все так же стоял посреди дороги, салютуя проезжающим мимо машинам и стремясь поделиться со всем миром своей нежданной радостью.

– Подъедем, милая, обязательно подъедем. – Неожиданно Ян подхватил Есению и закружил. Она испугалась – тощее, костлявое тело мужа, казалось, было не в состоянии выдержать и малейшей нагрузки. В какой-то момент Есении показалось, что сейчас они упадут и покатаются в сухую дорожную пыль. Как тогда, в детстве, когда это еще могло насмешить и накрыть с головой незамутненной радостью.

Она сжала руки, чтобы крепче вцепиться в Яна в жалкой попытке удержать его от падения. Поддержать, спасти, пусть даже ценой собственной жизни. Но Ян, наигравшись, поставил жену на землю, крепко обнял и поцеловал с обычной страстью. Взяв ее лицо в руки, он уставился ей прямо в глаза, и Есения снова почувствовала, как гипноз проникает

прямиком в сердце и душу и она снова готова идти за Яном, словно глупый ребенок за волшебной дудочкой Крысолова. Несмотря ни на что. Вопреки всему.

– Мы будем там счастливы, Ясечка, все будет по-другому, я тебе клянусь. Как когда-то.

Есения молча кивнула и попыталась отвести взгляд. Но от Яна ее попытка не укрылась. Он не разжал рук и не ослабил хватку, не дал ей ускользнуть.

– Ты мне не веришь?

Есения почувствовала, как беспокойство уступает место панике:

– Ну что ты, конечно, верю! Поэтому я на это и согласилась, – неумело соврала она.

Впрочем, Ян никогда не уделял особого внимания оттенкам ее голоса. Поэтому ложь осталась незамеченной.

Есения обняла мужа и уткнулась лицом в рукав теплой замшевой куртки – сшитой в Милане, на заказ, разумеется. Мастера сочли за честь.

Обнявшись, они вернулись в машину и оставшийся до особняка путь проделали в тишине. Ян держал Есению за руку, а она вцепилась в его тонкую, изящную ладонь, словно утопающий, который в отчаянной надежде остаться в живых хватается за обломок корабля, оставшийся после крушения.

Чем ближе они подъезжали к дому, тем больше Есения волновалась – все ли в порядке? Несколько дней назад она отправила в дом персонал, который вот уже много лет обес-

печивал им с Яном комфортный быт. Светлану, добрую фею, заботившуюся об их завтраках, обедах, ужинах и официальных приемах. А также Машу – домоправительницу, но по факту скорее компаньонку для нее, Есении, ведь, кроме Маши и Яна, она больше ни с кем толком и не общалась.

Сама Есения хотела приехать в дом вместе с ними, чтобы подготовить все к приезду мужа и сделать его пребывание максимально комфортным. Но Ян не захотел отпускать жену, попросил сопроводить его, да и сама она в глубине души была рада такому решению. Когда Ян находился под ее круглосуточным присмотром, ей было спокойнее.

Она поручила Маше найти в поселке женщину, которая могла бы взять на себя уборку огромного дома, а также по мере необходимости помогала бы самой Маше в ее делах. Также требовалось подыскать садовника. Основным условием, как обычно, была незаметность, умение держать язык за зубами. Каждый, кто соглашался работать в доме Есении и ее мужа, подписывал договор, в котором помимо условий конфиденциальности прописывались мельчайшие детали, вплоть до цвета одежды персонала. Все, что происходило в стенах их дома, не должно было быть известно больше никому.

Маше удалось отыскать идеальный вариант – некую Нину Сергеевну, с детства немую. Та была рада работе и за три дня отмыла дом до блеска. Насколько это было возможно. Садовником же стал Петр Алексеевич, бывший военный, при-

глядывавший за домом и раньше. К болтовне, по заверениям Маши, не склонный. Ну а сама она как обычно принялась хлопотать и наводить уют.

Дом нуждался в серьезной ревизии и ремонте. Там давно никто не жил, а некоторые комнаты использовались прежними хозяевами как склад ненужных вещей. Маше предстояло все их со временем разобрать и рассортировать.

Прежде всего она разобралась с посудой. Прежний хозяин любил красивую жизнь, и после него остались пусть и немного старомодные, но добротные сервизы лиможского фарфора, ожидающие своего часа в коробках на чердаке. Затем Маша подготовила к приезду Яна и Есении спальню, закупив новые матрасы, подушки, лампы и постельное белье. После чего озадачилась уже ванными – хозяйскими, гостевыми и теми, которыми будет пользоваться персонал. В доме были перебои с электричеством, Маша вызвала электриков и одновременно закупила несколько сотен свечей. Сложно было предугадать, какая мысль придет в голову ее эксцентричному хозяину. Вполне возможно, что в старом особняке он захочет устраивать ужины и приемы при свечах.

И хотя Есения доверяла Маше на все сто, она все равно несколько раз перезвонила ей и отправила сообщения, чтобы снова и снова убедиться, что в доме все в порядке. Что садом уже начали заниматься, что Светлана приготовила божественный обед к их приезду, а белое полусухое охлаждается в холодильнике.

Несмотря на то что все было под железным Машинным контролем, Есения отчаянно боялась, что с недавнего времени равномерно идущий поезд их налаженного быта вдруг сойдет с рельсов и хрупкий баланс нарушится, вновь погрузив их в кошмар. Поэтому остаток пути прошел в тревогах и муках. Она не замечала красот природы, широкой ленивой реки, все еще зеленых лугов и густых лесов, встретившихся им. По слухам, здесь обитали уникальные виды птиц, включая зимородка, поэтому зона считалась заповедной. Но Есении сейчас было не до зимородков. Все мысли были о том, что их ожидает в новом доме.

Вблизи особняк выглядел еще более монументальным и напоминал заброшенный санаторий для партийной элиты. Обнесенный глухим трехметровым забором, он позволял случайному прохожему (вздумай какой смельчак пройти мимо) увидеть только крошечную часть сада и фрагмент фасада.

Они бросили машину на улице и отпустили водителя – временно в его услугах не было необходимости. Ян собирался большую часть времени проводить в доме и работать, к тому же после своей последней выходки он был лишен водительских прав. Поэтому для экстренных случаев роль водителя на себя могла взять Есения.

Припарковав машину, водитель поспешил отчалить – стоящий на холме в полном уединении старый особняк произвел на него гнетущее впечатление, и водитель был счастлив,

что хозяйева не потребовали от него остаться. В доме они собирались прожить минимум до конца года, продумать план его реставрации и уже после всех зимних праздников вернуться в город. Это означало, что у него было полгода отдыха от хозяев, чему водитель был несказанно рад.

Распрощавшись с ним, Есения и Ян взяли за руки и подошли к ажурной металлической калитке, ведущей в сад. Быстро переглянулись и, чувствуя себя персонажами детской сказки, ступили на аллею, вымощенную камнем. Та, петляя, вилась через запущенный сад и вела к центральному входу в дом.

Тишину разрывало лишь птичье многоголосье. Есени, городской жительнице, казалось, что птицы поют лишь по утрам и вечерам, когда смолкает деятельность человека и природа берет свое. Но, видимо, местные птицы были не в курсе часов для пения и заливались как сумасшедшие, создавая громогласной какофонией отличный саундтрек для знакомства с новым домом.

Солнце тщетно пыталось пробиться сквозь резную тень вековых дубов, обрамлявших аллею, ведущую к дому. Есения была слегка удивлена – она ожидала увидеть французский сад – строгий, лаконичный – под стать дому, но, казалось, местные садовники решили нарушить все правила ландшафтного приличия и центральную алею засадили дубами из народных сказок.

Справа за дубовой аллеей виднелась порядком запущен-

ная лужайка, которую Петр Алексеевич уже успел выкосить и сейчас боролся с одичавшими розовыми кустами, обрамлявшими лужайку по кругу и в солнечное утро наверняка благоухавшими. Посередине лужайки стояла успевшая покрыться мхом статуя женщины в древнегреческой одежде. Есении неожиданно захотелось бросить Яна и отправиться на исследование сада – растения всегда притягивали и интересовали ее. Кажется, в саду еще было озеро, возможно с кувшинками. Ей хотелось бы на него взглянуть. Но Ян наверняка этого не одобрит. Он считал, что сад – это занятие для садовников. А они с Есенией должны наслаждаться их трудами. Впрочем, к ухоженной природе муж был весьма расположен, именно поэтому при каждом из их домов был садовник, который о ней заботился.

Взяв Яна крепче за руку, Есения проследовала с ним по аллее и замерла, скованная неожиданно обуявшим ее ужасом при виде особняка, открывшегося ей во всей красе: огромный давящий фасад с двумя колоннами из серого гранита, поддерживавшими нависающую над входом крышу. Дом был словно облачен в потерявшее свежесть оливковое пальто, местами потемневшее, покрывшееся пятнами и трещинами, отчаянно нуждающееся в реставрации. Есении вдруг подумалось, что дом похож на стареющую прелестницу, некогда блиставшую в свете и бывшую его несомненным украшением. Она все еще хранит былое величие, но следы времени уже начинают брать свое. Солнце, дожди и реющий над хол-

мом ветер с реки внесли свою лепту. Особняк был похож на все аристократические замки прошлого столетия, которые ленивое солнце выстирало и бросило на потеху бушующим стихиям.

Несколько гранитных ступенек вели к массивной деревянной двери. Все еще не решаясь ступить на них, Есения окинула особняк взглядом – слева и справа от входа огромные окна, высотой в два этажа. Закрыты потрескавшимися, выгоревшими на солнце ставнями, некогда покрашенными в зеленый цвет. За ними, вероятно, находятся бальные залы или что-то в этом роде, ведь прежний владелец был состоятельным человеком, влюбленным в историю, и наверняка представлял, как будет проводить в особняке великосветские приемы, тщетно пытаясь вернуть невозвратное.

Дом построил еще до революции дед владельца – один из богатейших людей Российской империи – Николай Второв. По слухам, это был подарок любимой жене. Софья Второва провела детство в этих местах, и влюбленный муж выкупил всю деревню, назвал ее в честь супруги Софиевкой, а на холме, возвышающемся над поселением, отгрохал огромный особняк, для строительства которого пригласил французского архитектора. В дальнейшем поместье служило супругам местом летнего отдыха. Ведь природа здесь была волшебная. Местную реку облюбовали зимородки, а у этих крошечных красавцев очень строгие требования к местам обитания.

Зимородки живут только возле водоемов с чистой проточной водой – не мелких и не глубоких, где есть обрывы и нетронутые заросшие берега. Легко было представить молодых влюбленных супругов, выходящих на балкон своего роскошного дома и наблюдающих за птицами. Покой и безмятежность были разлиты здесь на километры вокруг. Жизнь словно замирала и очень сильно отличалась от сумасшедшего ритма бурлящего начала двадцатого столетия.

Впрочем, наслаждались Николай и Софья красивейшими местами недолго. Грянула революция, Николай Второв трагически погиб, собственность его была национализирована, но, к счастью, не уничтожена, а сохранена рачительным председателем местного колхоза и превращена вначале в Дом культуры, а затем в элитный санаторий.

В мутные девяностые, когда колхоз медленно загибался без молодежи, массово рванувшей в город, в затерянную в веках перемен Софиевку явился внук Николая Второва, названный в честь деда – Николая.

Выросший во Франции, куда подался в эмиграцию его отец, и плохо говорящий по-русски, месье Торо тем не менее сумел договориться с нужными людьми и получить семейное гнездо в единоличное пользование.

Во Франции месье Торо сумел сколотить впечатляющее состояние в сахарной промышленности. Он не скупился на ремонт особняка, дотошно следуя фотографиям из семейного архива и многочисленным дневникам, оставленным ба-

бушкой и отцом. Но жить в нем он так и не стал. Оказалось, что божоле нуво и свежие круассаны, а также вид на Эйфелеву башню прописаны в его генетическом коде куда более глубоко, чем зов предков, родные березки и зимородки.

Спустя пару лет владелец отбыл во Францию, а дом принялся ветшать и постепенно разрушаться. Месье Торо нанял местного хранителя, чтобы предотвратить вандализм на время своего отсутствия. Как дань уважения предкам он планировал навещать сюда периодически со своими детьми и внуками. Но вскоре он тяжело заболел и, будучи большим поклонником творчества Яна и посетив все его представления во Франции и окрестных странах, решил завещать отечественную недвижимость своему кумиру. Прекрасно понимая, что состоятельный Ян сможет позаботиться о наследстве почившего дедушки куда лучше, чем его французские отпрыски.

По словам врачей, Ян, недавно прошедший очередной курс реабилитации, отчаянно нуждался в смене обстановки. Именно поэтому решение о вступлении в наследство было принято так быстро. Ян, вдохновленный приближающимися переменами, казалось, снова вернулся к жизни, а Есения вместо радости сжималась от ужаса – что готовит ей будущее? Впрочем, ей самой были непонятны эти страхи. Разве может с ней произойти что-то более ужасное, чем то, что уже произошло?

Ветер

Голова была тяжелой. Он в очередной раз проклинал себя за то, что вчера пошел на поводу у Тины и выпил слишком много. Хотя, кажется, у них был повод. Какой именно, вспомнить он сейчас не мог.

Сознание возвращалось вместе с ноющей головной болью, пульсирующей в такт резким звукам. Даже шум льющейся воды и радостное пение Тины, доносившееся из душа, действовали раздражающе, хотя обычно ему нравилось слушать ее мурлыканье по утрам, оно умиротворяло. Но не настолько, чтобы сделать его неотъемлемой частью своей жизни.

Ветер пошарил рукой по тумбочке в тщетной попытке обнаружить телефон. Тот нашелся сам – упав на пол от неловкого движения владельца и возвестив о своем существовании громким «бум».

– Черт, – буркнул Ветер и рывком сел.

Он не любил разлеживаться в постели, всегда быстро просыпался, вскакивал, переключался с одного действия на другое и уносился вдаль, соответствуя своему прозвищу.

Подняв телефон с пола и в сотый раз пообещав себе купить защитный чехол, Ветер увидел, сколько сейчас времени, и принялся оглядываться в поисках одежды. Та, как всегда, нашлась в совершенно неподходящих местах – вспомнить бы, что именно они вчера делали с Тиной, в резуль-

тате чего его джинсы нашлись на ручке двери, ведущей в ванную, – а вот футболка отыскалась почему-то за мягким креслом, стоящим в углу уютной спальни. Один носок лежал возле входа в комнату (он что, раздеваться начал с носков?), но второй так и не обнаружился.

– Ты куда это? – Тина появилась на пороге бесшумно, завернутая в полотенце, с мокрыми волосами и блестящей от воды кожей. Аппетитная, манящая. Желание плескалось через край.

– В магазин опаздываю, – натягивая футболку шиворот-навыворот, замечая это и тут же стягивая ее, отпрапортовал Ветер.

– В душ сходи хотя бы, – фыркнула Тина и одним движением сбросила влажное полотенце на пол. – Или давай вместе сходим.

Ей отчаянно не хотелось, чтобы Ветер улетал. В одно мгновение тоска стала острой и ужалила где-то в области сердца. Вот бы он задержался, пускай на час, да хотя бы на пять минут. Возможно, боль отпустит и станет легче дышать?

Но Ветер лишь качал головой и старался не смотреть на крепко сбитое тело Тины, которое знал слишком хорошо еще со школьных времен.

– Не могу, надо магазин открывать! – Отчаявшись отыскать второй носок, он подошел к Тине, чмокнул ее куда-то в макушку и сам поморщился от собственного несвежего ды-

хания. – Я только зубы почищу, душ дома приму.

Отодвинув верную подругу от двери, Ветер выскользнул в коридор и просочился в девичью розовую ванную, пахнущую чем-то приторно-сладким. Схватил свою зубную щетку (ее купила сама Тина в очередном приступе тщетной надежды, что когда-нибудь он станет пользоваться этой щеткой регулярно).

С отвращением глянув на себя в зеркало, Ветер принялся энергично чистить зубы, а Тина, нагая, зашла вслед за ним, обняла, прижавшись всем телом и тихонько, по-бабски, подывая, спросила, уже предчувствуя ответ:

– На ужин сегодня придешь?

Ветер плеснул в лицо холодной водой. Схватил первое попавшееся под руку полотенце, растер лицо и, не глядя, построил полотенце на место.

– Прости, не могу. – Он снова чмокнул Тину, но в этот раз в щеку, немного смазав поцелуй, потому что она подставила губы, а ему действительно нужно было бежать. И спустя несколько секунд будто растворился в воздухе, словно легкий порыв, дуновение. Тина схватила полотенце, все еще хранящее его запах, уткнулась в него лицом и горько разрыдалась.

Есения

В старом доме все звуки были обострены до предела.

Несмотря на высокие потолки и толстые стены, казалось, что где-то в соседних помещениях живут люди. Дышат, перешептываются, спорят, танцуют и даже поют. Иногда до Есении доносились отголоски этой тайной жизни, и она каждый раз вздрагивала, отчаянно пытаясь отыскать для себя логическое объяснение. Это просто сквозняк, старая дверь, расшатавшаяся рама. В доме только они с мужем и Светлана с Машей. Но те приучены работать молча.

За несколько часов Есения успела осмотреть только основные комнаты на двух этажах и никак не могла сложить впечатление, нравится ли ей в доме или нет. В ходе осмотра выяснилось, что особняк пострадал от пожара (этот факт нотариус, занимавшийся вопросами наследства, отчего-то забыл упомянуть). Видимо, в холодную пору бездомные, в отсутствие хранителя, захотели тут перезимовать, замерзли и решили согреться, устроив костер в одной из комнат и раскочегарив его с помощью антикварной мебели.

В некоторых комнатах следы пожара были кем-то ликвидированы, вероятно хранителем. Обгоревшие стены замазаны шпатлевкой или наспех побелены, кое-где просто содраны обои, словно кожа, и образовавшиеся прорехи в стенах, казалось, молили о ремонте.

От просмотра всех комнат (она сбилась со счета, сколько их в доме), чердака и винного погреба Есения временно отказалась. Куда торопиться? Увиденного более чем достаточно. В доме ей еще предстоит провести много времени.

Отчего-то захотелось растянуть это знакомство на как можно дольше. В некоторых комнатах она увидела роспись на стенах – возможно, ей удастся уговорить Яна дать ей возможность самой восстановить ее? В детстве ей нравилось рисовать цветы, но со временем она забросила это увлечение. Со всеми заботами о Яне времени на себя ей не оставалось, да и не нужно было ей это время. Рисование – так, баловство. Способ развлечься в свободное от служения гению время.

Есенин сразу же стало понятно, что для большей части работ им понадобится помощь специалистов. Нужно будет встречаться с дизайнерами и архитекторами. Подготовить план, утвердить его с Яном, а уже после того, как он его одобрит, они уедут, а в дом заедут прорабы и строители. О том, чтобы жить в особняке во время ремонта, речь даже не шла. Яну нужен был полный покой и уединение.

...Вернувшись на первый этаж, Есения остановилась перед входной дверью. Как она изначально и предполагала, справа и слева от центрального входа расположились просторные залы, отделанные с настоящим французским шиком. Николай Второв, да и его наследник были людьми состоятельными и на свои капризы денег не жалели.

Комнаты на диво хорошо сохранились, налет патины лишь придал им благородства, создавал своеобразный шик. Полы были выложены наборным медовым паркетом, излучавшим тепло в лучах дневного солнца. Некогда белые стены со временем немного посерели. Высокие потолки укра-

шены благородной лепниной – умеренной и не переступившей тонкую грань между изысканной красотой и китчем.

Одна из зал действительно была бальной, и – даже обладая скудным воображением – легко было представить, как сто с лишним лет назад здесь порхали дамы в вечерних туалетах, мерцали бриллианты в свете сотен свечей, а галантные кавалеры осыпали красавиц комплиментами и купались в любви, готовые в любой момент бросить перчатку тому, кто посмеет ее оспорить. Воздух словно искрил и напоминал пузырьки шампанского. Голова кружилась от чувств и предвкушения грядущей тайной радости.

Сейчас же огромное помещение с монструозной хрустальной люстрой, свисающей с потолка на толстой цепи и давящей своим великолепием, занимал рояль Яна, который, разумеется, прибыл в дом еще до приезда хозяина. Вокруг него в строгом порядке были расставлены легкие деревянные стулья. Можно было не сомневаться, что все местные князьки уже в курсе приезда новых владельцев особняка и вскоре сюда потянется тоненький ручеек из посетителей, который со временем превратится в бурную реку. Так было и будет всегда. Таким людям, как Ян, невозможно долго держать свое присутствие в тайне. Если уж Господь зажег в тебе свет, будь добр, делись им с окружающими.

Есения вздохнула – самое главное, что концертный зал у них есть. Акустика, с такими потолками и стенами, наверняка великолепная. Ян будет доволен.

По ее просьбе Петр Алексеевич открыл огромные ставни, а Нина Сергеевна, скромная женщина средних лет, скользящая тенью и лишь кивнувшая в ответ на ее приветствие, тут же принялась орудовать мокрой тряпкой и газетой, оттирая в очередной раз стекла до скрипа. Маша пообещала, что вскоре купит легкие шторы и портьеры и ставни им больше не понадобятся.

Есении безумно понравились огромные окна в пол, из которых можно было шагнуть на террасу, выходящую в сад. И впервые с момента, как она увидела особняк, Есения почувствовала нечто похожее на радость. Ей вдруг захотелось, чтобы в ее жизни было все иначе. Исчезли эти дурацкие ролевые игры в прислугу и хозяев, субординация. Чтобы в ее доме появились люди, которые ей по-настоящему дороги, которых она может назвать своими друзьями. И чтобы здесь был хоть кто-нибудь, кто будет к ней хорошо относиться.

– Меня зовут Есения, – неожиданно обратилась она к Нине Сергеевне, заметив, что та украдкой бросила на нее взгляд. – Если вам что-нибудь понадобится, вы можете попросить у Маши или у меня.

Обратилась и тут же себя обругала. Ведь Маша предупредила ее, что Нина Сергеевна глухонемая. Женщина вздрогнула и, сделав неловкий шаг, задела ведро с водой и моющим средством, которым оттирала окна. Ведро опрокинулось, и жидкость выплеснулась на пол.

– Что же вы наделали! – охнула Мария. – Средство может

испортить паркет. Осторожнее нужно!

Это было обращение в никуда, ведь Нина Сергеевна все равно ее не слышала, но недовольство на лице Маши наверняка распознала. Ведь та, бросив последнюю фразу недовольным тоном, быстрым шагом направилась к выходу в поисках средств, которыми можно было бы ликвидировать катастрофу.

Есения подняла глаза и уставилась на Нину Сергеевну, готовую вот-вот заплакать. Есении стало отчаянно жаль женщину, и она настолько растерялась, что даже не сообразила, что в этом доме она хозяйка и может предотвратить любые неприятности Нины Сергеевны.

– Какая же я неуклюжая, не расстраивайтесь, вы ни в чем не виноваты, это все из-за меня.

Есения закусил губу и принялась оглядываться вокруг. Не найдя ничего подходящего, чем можно было бы вытереть с пола воду с моющим средством, способным испортить драгоценный паркет, она стянула с себя шерстяную кофту, в которую куталась с момента приезда в дом, и бросила ее на пол. Мягкая ткань сразу же впитала в себя большую часть жидкости. Есения не сдержалась и порывисто коснулась руки Нины Сергеевны:

– Все в порядке, не переживайте, ничего с этим дурацким паркетом не случится. А Маше я скажу, чтобы она вас не ругала.

Женщина на мгновение замерла, затем открыла рот, слов-

но пытаюсь что-то сказать, но, вспомнив о том, что слова ей неподвластны, лишь порывисто обняла Есению. А та от неожиданности обняла женщину в ответ, но тут же отпрянула, услышав громкий звук шагов возвращающейся Маши. Нина Сергеевна торопливо шагнула в сторону, и они обе сделали вид, что мимолетного объятия не было. Дурацкая субординация не оставляла места для теплых и душевных человеческих отношений.

Маша держала в руках пачку бумажных полотенец.

– Все в порядке, мы уже все исправили, – улыбнулась ей Есения.

Маша перевела взгляд на кофту и нахмурилась.

– Ну что вы, зачем?..

– Я все равно эту кофту не люблю, ты же знаешь. И ничего с ней не случится. Нина Сергеевна не виновата, это моя вина, я ее напугала.

– Да, конечно, – задумчиво кивнула Маша и, осторожно подняв с пола кофту Есении, отжала ее в ведро. – Я отдам в химчистку.

– Можешь ее выбросить. Инцидент исчерпан. Еще раз извините. – Есения улыбнулась Нине Сергеевне и, кивнув на прощание, продолжила свою экскурсию по дому.

Она перешла в соседний зал, который покойный месть Торо назначил столовой, разместив в нем огромный стол, персон на тридцать, и увешав обитые мореным дубом стены портретами то ли родственников, то ли близких ему по ду-

ху персонажей. Есения не опознала ни единого, хотя один из портретов привлек ее внимание. На нем был изображен мужчина лет пятидесяти. Короткие седые волосы, пышные усы. Он сидел в три четверти оборота. Художнику удалось передать умный, тяжелый, волевой взгляд, которым мужчина сурово взирал на окружавшую его последние сто лет действительность, и, судя по выражению лица, она его совсем не радовала. Глубоко посаженные глаза смотрели сурово, нависающие брови хмурились. Во всем облике сквозит уверенность в себе. Есения подошла ближе и прочла подпись. «Второй Н. А.». А вот и дедушка последнего владельца, бывший хозяин особняка. Пожалуй, его портрет стоит сохранить как дань уважения. Но что делать с остальными?

На секунду она задумалась – возможно, стоит снять эти картины и заменить другими? В их запасниках хранилось великое множество полотен. На дни рождения Яну регулярно дарили картины. Многие были весьма недурственны. К тому же в наследство Яну осталась коллекция покойного отца. Но Есения решила, что картинами она займется позже, когда оценит степень влажности и освещенности в помещениях, для чего придется вызвать музейных работников. Ведь дорогие полотна нуждаются в особом режиме хранения.

Убедившись в том, что стол накрыт белоснежной скатертью и посуда на нем уже расставлена к обеду, Есения задумалась над тем, что же ей делать дальше?

Возможно, им стоит как-то отпраздновать переезд? Вдво-

ем с Яном. Воспользоваться краткой паузой и тем, что пока еще никто их здесь в лицо не знает, и пойти, например, в кино? Мысль тут же захватила Есению. Как же давно она не была в кино! Да, они непременно должны отправиться с Яном на сеанс.

Одна мысль о том, что они, как когда-то давно, взявшись за руки, будут сидеть в кинотеатре на последнем ряду, привела ее в неопишуемый восторг. Возможно, это по-детски наивно. Она давно должна отойти от всего этого примитива и повзреть, как говорил отец. Но у нее никак не получалось. Она не была такой, как они. И в конце концов, может она хотя бы раз в несколько лет позволить себе простые радости?

Воодушевленная собственной идеей, она вначале быстро направилась к выходу, решив взять машину и съездить за билетами, но увидела Машу, вышедшую из столовой в холл и придирчиво оценивающую издали работу Нины Сергеевны. На взгляд Есении, окна были вымыты идеально. Птицы могут не заметить и врезаться. Но перфекционистка Маша все равно нашла к чему придираться, вернулась в столовую и жестами попросила Нину Сергеевну исправить недочеты.

Стараясь незаметно просочиться мимо домоправительницы, Есения подошла к входной двери, тихонько открыла ее, но споткнулась о высокий порожек, который не заметила, и чуть не грохнулась. Две пары внимательных глаз немедленно уставились на нее. Черт, роль хозяйки большого поместья

ей никак не дается.

Не желая ударить в грязь лицом перед персоналом, Есения коротко попросила Машу купить им с Яном два билета на завтрашний сеанс. И, сделав вид, что страшно занята, развернулась и пустилась в очередной обход дома. Ей хотелось остаться в нем одной. Почувствовать огромный особняк и подружиться с ним. Но это было невозможно. Есения уже и не помнила, когда позволяла себе роскошь остаться в одиночестве, и даже смирилась, что вряд ли у нее когда-нибудь будет такая возможность. Хотя в глубине души все протестовало против такого положения вещей.

Пройдя еще раз по тем комнатам, которые она уже успела изучить, Есения сделала вывод, что дом ей нравится. Изнутри он выглядел более привлекательно, чем снаружи. Казался уязвимым, прячущим свою слабость за внешней неприступностью, и Есении показалось, что они смогут найти общий язык.

Она еще полчаса послонялась по дому, чувствуя себя бесполезной. Попросила закрыть окна в столовой и концертном зале, почувствовав, как воздух становится слишком свежим. Убедилась в том, что ее просьба выполнена, после чего зашла в комнату, которую Маша выделила им с Яном под временную спальню. Решение о том, где будут жить постоянно, они примут после того, как полностью осмотрят дом и выберут себе подходящую комнату.

Встав на пороге, Есения огляделась по сторонам. Затем,

сбросив обувь и пройдя по теплому шершавому полу, подошла к окну и выглянула в сад, где корпел над каким-то цветком Петр Алексеевич, высвобождая его из цепких объятий дикой ежевики. Завидев хозяйку, он лишь кивнул ей и снова нырнул в буйные заросли. Видимо, уже проинструктирован, что лучшее, что он может сделать, – это просто не попадаться никому на глаза.

Ян не терпел посторонних звуков в доме, а Есения всегда делала все, как он велел. Ей по-прежнему остро хотелось осмотреть сад, открыть его сокровища, но присутствие Петра Алексеевича смущало. Потом, возможно, вечером, когда садовник уйдет отдыхать.

Она окинула взглядом комнату – белые деревянные панели на стенах, роскошная хрустальная люстра, под стать той, что висит в концертном зале, только размером поменьше. Видимо, до люстр зимовавшие в доме вандалы не дотянулись. Ограничились столовым серебром, мебелью, настольными лампами, постельным бельем и коврами.

Камин с сохранившимся мраморным облачением, над ним старинное зеркало (хозяин в письме, отправленном Яну вместе с копией завещания, рассказал, что все предметы интерьера закупались им лично на европейском рынке антиквариата, являлись подлинными и раньше украшали дворцы европейской знати). Впрочем, мог бы и не писать. Наметанному глазу легко отличить такие предметы от новодела. Есенин всегда нравились вещи с историей. Возможно, потому

что собственной у нее не было.

По обеим сторонам от зеркала красовались два замысловатых бра. Подойдя к одному из них, Есения дернула за тонкий шнурок – свет зажегся. Она тут же его потушила и обернулась к кровати, заботливо укрытой шелковым покрывалом цвета неба перед грозой. Даже не заглядывая под него, Есения знала, что постельное белье тоже шелковое, потому что летом Ян предпочитает только его. Стена за замысловатым изголовьем выкрашена свежей краской сливочного оттенка – наверняка Маша постаралась. Вскоре здесь появится картина, а возле кровати две тумбочки. На одной, справа, будет стоять графин с прохладной водой и хрустальный стакан, а также лежать книга Яна. Из тех, что модно иметь в доме, но невозможно читать. С ее же стороны кровати, слева, на тумбочке будет стоять обычный граненый стакан с одним-единственным цветком.

Есения подошла к высокому массивному шкафу, украшенному затейливой деревянной резьбой, и, распахнув его, уставилась в пустое нутро, обругав себя за невнимательность. Совсем забыла, что грузовик с вещами следовал за ними, но по пути шофер вначале пробил колесо, а затем умудрился попасть в небольшую аварию, что порядком задержало его в пути.

Транспортная компания обещала доставить все вещи завтра рано утром, но сегодня Есени не во что было переодеться. Придется выйти к обеду как была, в джинсах и блузке, и

напороться на гнев Яна. Он не любит, когда жена одевается как подросток.

Есения поежилась – может, сказать больно? Нет, тоже не лучшая идея. Возможно, в честь переезда Ян будет менее придирчив? Стремление к идеальности и правильности во всем передалось ему от отца. Тот тоже всегда требовал от членов семьи переодеваться к столу. Считая, что парадная одежда во время приема пищи делает человека человеком и значительно улучшает его манеры.

Неожиданно дверь комнаты резко хлопнула, замок щелкнул. Есения даже испугалась – а что, если она окажется заперта? Быстро подойдя к двери, она нажала на ручку и выдохнула с облегчением – дверь мягко открылась. Что с ней? Это ведь просто сквозняк. Хотя откуда здесь сквозняк? Ведь она же лично попросила закрыть все окна. Есения решила было снова прогуляться в столовую и концертный зал, чтобы убедиться, что ее просьбу не нарушили, но ее взгляд внезапно упал на клочок бумаги, лежащий на полу. Надо же, неизвестно откуда взявшийся ветер даже принес сюда мусор. В том, что бумаги до этого на полу не было, Есения была уверена. Она, всегда внимательная к деталям, непременно бы его заметила.

Машинально наклонившись и подхватив бумажку, чтобы выбросить при случае, Есения заметила на ней какой-то текст. Поднесла к глазам и замерла. На мятом листке, судя по всему, вырванном из видавшего виды блокнота, большими

печатными буквами коряво было написано: «Уезжайте отсюда».

Есенин даже пришлось несколько раз перечитать, пока смысл дошел до нее.

Что за идиотские шутки? Хотя, возможно, это просто что-то из документов предыдущих хозяев. Не придав особого значения находке, Есенин машинально сунула ее в карман и остановилась, не зная, что ей делать дальше. Возможно, стоит найти мужа и узнать, как у него дела?

С того момента, как они прибыли, Ян в одиночестве отправился на осмотр особняка, и она его больше не видела. Сердце кольнула тревога, но Есенин поспешила себя успокоить. Все в порядке, он просто блуждает в огромном доме. Изнутри особняк гораздо больше, чем кажется снаружи, а в Яне все еще живет мальчишка-первооткрыватель. Есенин не хотела ему мешать. Лучше устранить источник сквозняка. Холод она ненавидела всей душой и старалась купировать при малейших проявлениях.

Выйдя из комнаты, она снова направилась в столовую и уставилась на огромное французское окно, ведущее в сад. Оно было широко распахнуто. Есенин нахмурилась. Она прекрасно помнила, как при ней Нина Сергеевна закрыла окно на все замки.

Есенин подошла к окну и снова закрыла его, удостоверившись в том, что в этот раз язычок старомодного замка точно вошел в паз. Возможно, причина маленького происше-

ствия крылась в том, что Нина Сергеевна не до конца повернула механизм. Рамы выглядели потрепанными жарой и холодом, а также долгим отсутствием надлежащего ухода. Есения вздохнула – немудрено, что замок просто разболтался.

Справившись с окном, она посмотрела на часы, показывавшие уже половину второго. Обычно Ян всегда выходил к обеду в час дня, так было заведено в их семье. Строгого распорядка придерживался отец, а мать делала все возможное, чтобы ничто не нарушало рутину гения.

Обед в тринадцать ноль-ноль был столь же нерушим, как королевские традиции. Чтобы ни случилось, они всегда обедали ровно в час дня. Сердце екнуло. Существовала лишь одна причина, по которой Ян мог нарушить заведенный распорядок.

Вдохнув побольше воздуха и пытаясь успокоиться, Есения отступила от окна, повернулась, намереваясь идти на поиски мужа, как вдруг услышала шорох за спиной. Остановилась и прислушалась. Резко развернувшись, чтобы посмотреть в лицо собственным страхам, тут же с облегчением рассмееялась – просто на улице пошел дождь. Приглушенный закрытыми окнами, шум падающей воды превратился в призрачный шепот. Август подходил к концу. Дожди будут идти все чаще, а ей нужно что-то делать с нервами, если так вздрагивать от каждого шороха, то можно и в паранойю скатиться.

Решительным шагом Есения вышла из комнаты и напра-

вилась было на поиски мужа, как вдруг услышала звуки рояля, льющиеся откуда-то сверху. Она остановилась посреди большого холла, выложенного натуральным камнем цвета морского песка, из которого, изгибаясь спиралью, изящная мраморная лестница вела из холла на второй этаж.

Есения прислушалась – Ян наверху? Играет на рояле? Ну, конечно, а она уже придумала себе бог знает что. Его просто поглотила работа! Выдохнув от облегчения и радости, Есения встала на первую ступень лестницы и сделала несколько шагов, прежде чем осознала, что наверху нет рояля. Он стоит внизу, в концертном зале.

Словно вспугнутая дождем птица, она взлетела по лестнице, цепляясь хрупкими руками за изогнутые холодные витки мраморных перил. Ледяная пустота начала заполнять вены и обжигающим холодом вымарывать все внутри.

Есения не помнила, как промчалась по коридору крыла, в котором так и не успела побывать и откуда сейчас доносились музыка. Как миновала многочисленные комнаты. Как краем сознания отметила стены в трещинах, старую мебель и следы пожара. Кажется, это крыло пострадало больше всего. Впрочем, сейчас это было не важно. Все это абсолютно ее не волновало. Важным было лишь одно.

Она со стуком распахнула дверь комнаты в торце коридора и словно провалилась в один из своих кошмаров. Обугленные стены грозили обрушиться в любой момент. Местами уцелевшие обои, некогда светло-голубые в изящную бе-

люю полоску, а сейчас грязные, прокопченные, словно кто-то долго держал их над очагом с дымящимися углями. Они кусками отпадали от стен и в своих заломах и вмятинах хранили скопища гари и пыли. Деревянные панели практически полностью уничтожены огнем. Провалившийся потолок, в огромном зияющем отверстии видно крышу, заливаемую дождем. Часть влаги попадает и в комнату. Посреди разрухи, в самом центре, кровать с железным панцирем, на которой лежит Ян, закатив глаза к потолку. На губах блаженная улыбка, рядом телефон, играющий на повторе отрывок из написанной им некогда рок-оперы. Она была хитом позапрошлого лета и звучала на всех мировых площадках.

Он так и не снял резиновый жгут с руки. Железная погнутая ложка (и где только взял?) с остатками порошка валялась на полу рядом со свечой, которую он не удосужился загасить, рискуя спалить весь дом и отправить на небо всех его обитателей. Впрочем, на небо ли?

Есения застыла, словно ее парализовало. В своем воображении она кидалась на Яна. Схватив его за грудки, стаскивала с кровати. Орала, словно дикая кошка, и хлестала мужа по щекам. До первой крови. За то, что опять нарушил обещание. За то, что не продержался и недели. За то, что увлекает на дно себя и ее заодно. Ведь куда он, туда и она.

Она хотела крикнуть, но голосовые связки сковало лютым холодом. Он снова вернулся. Несмотря на августовскую духоту, Есению начала бить крупная дрожь. Словно она вновь

очутилась под толщей снега, давившего и забиравшего остатки кислорода из легких. Если она не выберется, то снова умрет, как умерла тогда.

Автоматически отмечая, что ей нужно погасить свечу, но не делая этого, Есения медленно развернулась и вышла из комнаты в коридор. Сумела сделать краткий вдох, отозвавшийся болью в легких. На негнущихся ногах дошаркала до лестницы. Чем дальше Есения отходила от комнаты, тем легче ей становилось дышать. Тем быстрее становились ее движения.

По лестнице она скатилась кубарем. Миновав холл, промчалась птицей ко входной двери и, выскочив на порог, осознала, что дождь падает сплошной стеной, за которой ничего не видно. Словно земля укуталась в серое пальто из ливня, отрезав людей друг от друга. Сохранив в зоне видимости лишь самых близких, которые сидят рядом у очага и держат друг друга за руки. А все остальные остались где-то там, за горизонтом, чужаки друг другу. Бродят в одиночестве в сером тумане и сходят с ума. И она среди них. Потому что ее место не возле камина за руку с любимым человеком. Нет у нее ни камина, ни любимого. Вокруг нее сплошное одиночество, на которое ее обрекли с самого рождения. Она пыталась это изменить, но ничего не вышло.

Шагнув назад, в дом, Есения остановилась. Нет, здесь она не сможет дышать, задохнется. Перед глазами всплыли Ян и горящая рядом с ним свеча. Одно неверное движение, и, мо-

жет быть, вот оно, решение, которое будет лучшим для всех? Ведь доктор сказал ей, что с каждым разом Яна все тяжелее вытаскивать из его «приступов», как он деликатно сформулировал. Они становятся все более длительными и затяжными. В последний раз у них ушло почти два месяца на реабилитацию. Доктор тогда настоятельно рекомендовал уехать, сменить обстановку, выдернуть мужа из зоны комфорта. За округлыми формулировками Есения легко различила то, что интеллигентный врач из жалости к ней не говорил прямо – увезите мужа от его поставщиков. Чем дальше вы с ним уедете, тем меньше шансов у него будет раздобыть новую дозу. Именно поэтому она и согласилась на эту безумную авантюру – переезд в незнакомый дом в уединенной местности. Но все пустое. Ян умудрился взять запас наркотиков с собой.

Глубоко вдохнув и задержав дыхание, Есения снова ринулась в обгоревшую комнату. Загасила свечу – Ян даже не заметил ее появления, продолжая слушать собственное творение с блаженной улыбкой на губах. Есения забрала ложку, развязала жгут и, не оборачиваясь, вышла из комнаты. Снова проделала путь к входной двери. Схватив с вешалки Машин дождевик, села на старый велосипед, забытый кем-то возле порога – откуда только взялся? – и растворилась в серой дождливой мгле.

Она понимала, что вся вымокнет и на незнакомой дороге велики шансы оказаться или сбитой неосторожным водителем, или свалиться в канаву. Но, может, это даже к лучшему.

Она не сможет дать Яну уйти, будет бороться до последнего, хотя сама понимает всю тщетность и бесперспективность своих попыток. Так, может быть, лучше уйти самой?

Велосипед трясло на колдобинах дороги, покрытой щебенкой, но ехать было легко – он сам катился с горки, и с опозданием Есения осознала, что сейчас просто скатится с холма куда-то в поселок. В таком виде появится перед людьми и даст им повод судачить. Впрочем, плевать.

Магазин вынырнул из дождя и тумана неожиданно. Она едва успела затормозить. Украшенный яркими лампочками, он напоминал карусель, на которую она часто смотрела в детстве, стоя по ту сторону ограды, потому что мама все время твердила, что на пустые развлечения у них нет денег. Папа не дает. А уже после того, как все случилось, папа иногда водил ее на эту самую карусель, но она навсегда отпечаталась у нее в сознании как нечто далекое и недоступное. Сулящее неземное счастье и блаженство для кого-то другого, но только не для нее.

Украшенный табличками с забавными надписями и окруженный довольно безвкусными садовыми фигурками, магазин словно материализовался из другой реальности. Есения частенько видела такие в Европе, но в родной стране раньше никогда не встречала. На секунду показалось, что она перенеслась в другое измерение.

Есения остановилась, смахнула капли дождя с лица и несколько раз глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться. Ниче-

го не получилось. Проклятый холод уже пробрался под дождевик, под тонкую одежду и белье и тянул щупальца к сердцу. Еще мгновение, и она умрет.

Мозг заметался в поисках решения – нужно срочно найти место, чтобы согреться, чтобы купировать приступ. Только бы он не начался прямо здесь и сейчас. Она была готова закричать от ужаса и, не отдавая себя отчета в том, что делает, ворвалась в магазин.

* * *

Ветер заканчивал раскладывать товар. Утренний поток посетителей иссяк, а в такой ливень новых не предвидится. Наверное, сегодня нужно закрыться пораньше. Да и запасы подошли к концу, пора пополнить. Оставалось всего две коробки с поздней малиной, которые он подумывал забрать себе на ужин. Мысль об ужине в одиночестве казалась заманчивой, ехать к Тине в такую погоду не хотелось, да и нагостился он у нее уже.

В магазине было тепло. Из-за дождя и резко сгустившегося сумрака Ветер включил свет – никогда не любил сумерки. Мягкий свет декоративных кованых фонарей, которыми он украсил помещение, создавал особый уют – пахло свежей выпечкой, и он сам кайфовал от того, какой райский уголок ему удалось создать. Все, кто попадал в магазин Ветра хотя бы один раз, долго про него помнили и при случае с удоволь-

ствием возвращались.

Когда-то на месте магазина был старый сарай, в который его отец ставил на зимовку трактора, складывал сено и зимние припасы. Пропахший машинным маслом и яблоками, Ветру он казался лучшим местом на земле. Сколько времени он провел в нем в детстве, играя в захватывающие игры, которые сам же и придумывал. А затем, в юности, пережил немало сладких минут, приводя на сеновал многочисленных подружек. После того как отец отошел от дел, передав все ему, Ветер не стал сносить сарай. Обложил его снаружи кирпичом и оставил старые доски в качестве внутренней обшивки. Они были старше его самого и по-прежнему пахли зимними яблоками. Снес все внутренние перегородки. Часть пространства отвел под магазин, а часть под небольшое кафе, где собирались друзья и близкие (считай, весь поселок). Соорудил небольшую лесенку, ведущую из магазина на второй этаж. Огородил все перилами так, чтобы сидящие в кафе могли видеть тех, кто заходит в магазин, и обмениваться с ними приветствиями. На втором этаже он поставил несколько столов, стульев, а также диван и телевизор, создав самое уютное место на земле. Стены украсил табличками со старой рекламой шоколада и мыла, которые он всегда пытался отыскать во время поездок на отдых за границу.

Внизу, в магазине, мирно гудели большие холодильники с мясными и молочными продуктами, сыром, колбасами и паштетами. На каменном полу стояли старые винные бочки,

на которых умостились лотки со свежими фруктами и овощами.

Ветер гордился своим магазином и был уверен – лучше в округе не найти. Он знал всех клиентов в лицо и по имени и частенько сам стоял за прилавком, хотя в этом не было особой необходимости – у него работали продавцы и имелся даже директор магазина. Но Ветер получал ни с чем не сравнимое удовольствие от общения с людьми. Он их искренне любил.

Ему нравилось, что покупатели съезжаются к нему даже из области. Что ему звонят из лучших ресторанов, чтобы сделать крупные заказы на домашние продукты. А частенько в магазин заглядывают молодые симпатичные девушки, исповедующие новую органическую религию и фанатично ищущие то, чего не касались пестициды и гербициды. Большинство из них не могли противиться его чарам и с удовольствием принимали приглашение получить больше информации о том, как растет молодой картофель на его полях. Их было великое множество. Обычно Ветер предпочитал тех, у кого на пальце красовалось обручальное кольцо. С такими проблем куда меньше.

Тина все знала, но делала вид, что не замечает. Она понимала, что ветер невозможно удержать в клетке.

Он усмехнулся, вспомнив о Тине и ее ненавязчивом приглашении прийти на ужин сегодня вечером. Ну уж нет, его

семья – это ферма и магазин. Он, наверное, здесь и умрет в одиночестве. А Тина может это принимать или нет. Разве может ветер дуть постоянно в одном направлении? Только ласково погладить, обнять, поцеловать и помчаться дальше, к новым вершинам. Улыбка так и застыла на его губах, когда колокольчик звякнул и в дверях появилась девушка.

Будь Ветер романтичнее и более литературно одарен, он бы описал ее как сотканную из дождливой серости и тумана. Призрачную. Не от мира сего. Волшебное существо в огромном желтом дождевике, укрывавшем ее почти полностью. Она казалась сказочной героиней, занесенной в их прозаичные края бушующим ураганом. Кажется, в детстве он про что-то такое читал.

Лицо девушки было бледным и мокрым. Наверное, его можно было бы назвать невыразительным, если бы не глаза. Огромные, серые, как дождь, и отчаянно несчастные. Ветер хотел встретить новую покупательницу дежурной веселой репликой, но слова застряли в горле. Столько в этих глазах плескалось боли и отчаяния.

– Здравствуйте, – только и сумел выдать он. А девушка, замершая на пороге, сделала шаг внутрь. Дверь за ее спиной закрылась с тихим щелчком, хотя обычно она всегда громко хлопала, внося радостное возбуждение в атмосферу магазина.

– Здравствуйте. – Голос был тихим, едва слышимым, но мелодичным. Словно кто-то там, на горе, позвонил в коло-

кольчик.

Есения почувствовала, как тепло обволакивает ее, неожиданно стало даже жарко. Приступ и паника отступили, словно по щелчку, и она снова смогла нормально дышать.

Отвернувшись, чтобы избежать слишком пристального взгляда продавца, она начала рассеяно рассматривать полки с домашними джемами и настойками, холодильники и их аппетитное содержимое. Спелые розовые помидоры – кажется, этот сорт называется «Бычье сердце»? В этом она была не сильна. Румяные яблоки, золотистые груши, заборные полосатые арбузы, чья красная сахарная мякоть была выставлена на обозрение всем желающим. Ароматные дыни.

Есения вдруг спохватилась – а есть ли у нее с собой деньги? Ведь она оставила и сумку, и кошелек в доме. Затем выдохнула – в кармане дождевика обнаружили несколько купюр, которые Маша, видимо, машинально сунула туда, принимая от нее деньги на хозяйство. Хватит на какую-нибудь мелочь. Взгляд остановился на малине. Ей отчаянно захотелось спелых ягод.

– Дайте, пожалуйста, малину. – Она обернулась к продавцу и вдруг поняла, что все это время тот не спускал с нее глаз.

Невысокий, весь какой-то угловатый, в легкой майке, открывающей сильные мускулистые руки. Его нельзя было назвать красавцем – лицо было несимметричным, рваная челка закрывала лоб, а из-под нее остро смотрели вниматель-

ные иссиня-черные глаза. Есения видела таких много раз – классический бабник. Вон как смотрит проверенным и многократно обкатанным взглядом. Наверняка большинство покупательниц не в силах устоять. Но Есению такие никогда не интересовали. Хотя что ее вообще в жизни интересовало, кроме Яна?

– Малина очень сладкая. Обещаю, вы еще за ней вернетесь, – пришел в себя Ветер, а Есения неожиданно для самой себя обратила внимание на его голос.

Глубокий, бархатистый, обволакивающий. Отрицать харизму этого мужчины было бессмысленно. Хорошо, наверное, что она не в силах испытывать никаких сильных чувств и эмоций. Да что там – она даже плакать не умеет, результат обморожения.

Она молча кивнула, протягивая деньги, желая побыстрее оборвать неловкий момент. Но Ветер так просто не сдавался.

Обычно женщины всегда на него реагировали. Улыбкой ли, взглядом, зардевшимися щеками, глупым хихиканьем. Они умели выражать свой интерес тысячей разных способов. Но стоящая перед ним девушка, на вид ей не больше двадцати пяти, в огромном нелепом дождевике смахивала на Снежную королеву – застыла, словно эмоции и чувства были ей чужды.

– Может, попробуете? – Он решил не сдаваться.

Девушка молча покачала головой.

– Как вас зовут?

Огромные серые глаза уставились на него. Кроме удивленного взгляда, никаких эмоций, хотя внутри Есения вела с собой жаркий внутренний монолог – что он от нее хочет? Зачем спрашивает имя? Если она его назовет, то он точно не отстанет. Еще никто не оставался равнодушным, услышав ее имя.

– Маша, – тихо ответила она и снова посмотрела на продавца, пытаясь просигнализировать: «Здесь твои чары бесильны. Просто дай мне сдачу, и покончим с этим».

Словно прочитав ее мысли, Ветер отсчитал сдачу, положил малину в два пакета – похоже, странная покупательница пришла пешком или приехала на велосипеде.

– А меня Алексей, но все зовут меня Ветер. Заходите еще, завтра будет новая малина. Она в этом году особенно сладкая. И вообще, у нас есть много чего интересного.

Не слушая его болтовню, Есения быстро кивнула и направилась к выходу, натягивая поглубже капюшон. Нужно взять себя в руки и вернуться домой. Привести в чувство Яна. Обыскать его вещи в поисках запасов наркотиков. И снова с ним поговорить.

Она почувствовала, что ей начинает жечь глаза, словно в них попал горячий песок. Быстро выйдя из магазина, она поглубже запахла дождевик, тщетно пытаясь сохранить остатки тепла. Покатила велосипед в гору – ехать самой не было сил. После неожиданного демарша вся энергия выплеснулась из нее, словно дождевые потоки в ливневку.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, Есения запустила руку в пакет с малиной и достала одну ягоду. Та действительно оказалась душистой и очень вкусной. Еще одна и еще. Увлечшись, Есения не заметила, как добралась до дома. Смешно, но малина придала ей сил.

Ничего, справится. Она уже столько всего пережила, переживет и это.

Ветер

– Говорят, они привезли с собой прислугу! Несколько человек – горничная, кухарка, вроде еще кто-то.

Глаза у Зины горели. Она всегда узнавала все раньше всех из неизвестных источников. Если и были в этом мире новости, которым можно доверять, то, несомненно, это были новости Зинаиды.

– А ты знаешь, кто дом-то купил? – Это Вовка, ее муж. Бесхитростный и простой, всегда поддерживающий супругу и пребывающий в восторге от уровня ее осведомленности.

– Купил, – фыркнула Зина, – получил в наследство!

– У этого француза тут что, родственники какие-то остались? – Брови Тины взметнулись вверх.

Они сидели в магазине у Ветра и пили прошлогоднее вино, закусывая сыром и вяленным мясом. Скоро придет время нового урожая, и нужно освободить место в погребах. Это, конечно, очередная шутка Ветра. Вино с его виноградников

пользовалось большой популярностью, и обычно его в промышленных масштабах закупали два столичных ресторана. Ветер лишь оставлял несколько бутылок для своих и откупоривал их в ненастные вечера вроде этого.

Приглашение на сыр с вином было своего рода протянутой рукой примирения. Ветер знал, что обидел Тину своим отказом поужинать. Но и она знала, что приглашение он не примет. Любой намек на почти нормальную семейную жизнь пугал его и отталкивал. Тина все понимала и, несмотря на советы подруг и брата плюнуть на Ветра и устраивать жизнь, пока не поздно – ей ведь уже скоро тридцать пять, о чем она только думает? – продолжала ждать и надеяться. Ведь если бы она была ему совсем безразлична, не стал бы он ее звать. Закрыв бы свой магазин, завалился на диван, откупорил вино и смотрел бы футбол в одиночестве. Нет, она все-таки его дождетя. Рано или поздно он поймет, что она лучшая и единственная.

– Да какие родственники? – отмахнулась Зина, кладя кусок колбасы на сыр, отправляя импровизированный бутерброд в рот и продолжая вещать, одновременно работая мощными челюстями. – Говорят, знаменитости какой-то он свой дом подарил. Ну сама подумай, кто еще такое опудало содержать станет?

Цветастое платье было явно мало в груди, и природное богатство Зинаиды так и рвалось наружу. После рождения второго ребенка (подумать только, одноклассницы Тины уже

мамаши нескольких детей!) Зина так и не сумела похудеть, да и не очень-то стремилась, зная, что муж любит ее любой.

– Такое ж не протопишь, – немедленно поддержал супругу хозяйственный Вовка.

Тощий, как жердь, он опрокинул бокал вина и слегка поморщился, поймав пристальный взгляд Зины. Та зорко следила за всем, что употребляет муж. Вовка виновато потянулся к сыру и быстренько закусил. Тина могла дать руку на отсечение, что больше он сегодня не выпьет ни капли.

Вовка был весь какой-то нескладный и ужасно несимпатичный, но сердце у него было золотое. Редкий экземпляр. Из тех, кто никогда не держит камень за пазухой и отдаст последнее, если его об этом попросят. Детишек своих любил без памяти. Два наглых пацаненка вили веревки из папочки, а их воспитанием занималась Зинаида, которой нужно было идти в сержанты, а не в директора детского сада.

Вовка с Зиной смотрелись комично – невысокая круглая Зинаида и длинный, как каланча, Вовка. Но это была любовь, которой Тина в минуты черного отчаяния особенно завидовала. Они всегда поддерживали друг друга, что бы ни произошло. Понимали друг друга без слов. На все праздники Вовка тащил супруге три чахлые гвоздички, а Зинаида трогательно заботилась о том, чтобы Вовка выглядел как можно более нелепо, дабы никто на ее сокровище не покусился.

Тина почувствовала, что переела. Обругала себя за то, что вырядилась так нелепо. Узкое платье, чулки и корсет. Ветер

позвонил и пригласил ее на вечер с вином и сыром, но забыл упомянуть, что позвал еще и Вовку с Зиной, старых школьных друзей. И сейчас в их компании она смотрелась неуместно, вместе с дурацкими чулками и корсетом. Словно питала призрачные надежды на нечто большее, а Ветер отгородился от нее парочкой одноклассников.

– А горничную их, случайно, не Машей зовут? – делая глоток и наливая себе «слезы» из бутылки, между делом поинтересовался Ветер.

Помимо воли Тина напряглась – какая еще Маша?

– Маша, Маша, – согласно закивала Зинаида, хищно поглядывая на последний кусок домашней колбасы.

Усмехнувшись, Ветер подтолкнул к ней блюдо. Сам он ел крайне мало, словно и вправду питался небесной энергией.

– Симпатичненькая такая, молоденькая, – добила Тину Зинаида, заглатывая последний кусок нарезки.

– Она сегодня ко мне заходила, – кивнул Ветер, радуясь своей прозорливости. – Может, начнут покупать у меня продукты? Такие важные птицы наверняка будут устраивать всякие приемы и праздники.

– А то у тебя клиентов мало, – не удержавшись, фыркнула Тина, откидываясь на спинку потертого кожаного дивана, на котором провела немало времени в обществе Ветра.

– Никогда их много не бывает. – Ветер откуда-то из пустоты извлек новую бутылку, ловко откупорил и разлил по бокалам – впрочем, Вовкин бокал Зинаида ловко прикрыла

рукой.

– Да не продержатся они тут долго, – хитро поблескивая глазом, заговорщицки прошептала Зинаида.

– Чего это? – усмехнулся Ветер.

– А того, что дом этот проклят! Хозяин-то бывший того, тю-тю, – торжественно возвестила та и опрокинула в себя залпом бокал вина.

Есения

Ночь прошла без происшествий, если не считать того, что окно в столовой снова распахнулось посреди ночи с ужасным грохотом, разбудив ее и Машу. И прежде чем они успели добежать до причины ночного переполоха, на паркете появилось огромное мокрое пятно, в молочном свете садовых фонарей показавшееся Есении красным, словно кровь. Вместе с Машей они налегли на створку и сумели ее захлопнуть. Есения отыскала стул, которым подперла окно, и попросила Машу с утра пригласить мастера разобраться с рамами и щеколдами.

Уставшая и вымотанная случившимся, она с обидой спросила у домоправительницы, почему та ничего не сказала ей о пожаре и о том состоянии, в котором на самом деле находится дом. Отводя глаза, растрепанная и мокрая от дождя Маша сказала, что это была просьба Яна Львовича. Он был в курсе и не хотел расстраивать супругу раньше времени.

Инцидент был исчерпан – просьбы Яна в доме не обсуждались. Есения вернулась в спальню и снова почувствовала, как ее бьет дрожь. Достала из шкафа тяжелое антистрессовое одеяло (Маша была в курсе ее слабостей и всегда заботилась о том, чтобы Есения могла согреться), укрылась им и провалилась в сон. Мужа рядом не было. Он так и не спустился из жуткой комнаты, где пребывал во власти собственных демонов.

Проснулась Есения от громких криков – на заре приехал их багаж, и Петр Алексеевич вместе с Машей руководили процессом разгрузки.

Был и еще один звук – рояля. Ян играл. Точнее, наигрывал что-то из того, что сочинил перед очередным визитом в клинику, в период обострения. Горькая плата за талант. Без наркотиков муж не мог писать.

Чувствуя, как ноги снова становятся пудовыми, Есения поднялась с кровати, подошла к изящному туалетному столику – наследию прошлых хозяев, – взяла серебряную щетку для волос, которую Ян купил ей в Венеции и которую она всегда держала при себе. Быстро провела ею по тонким прядям, спутавшимся после дождя.

Выглядела она хуже некуда. Бледная до призрачности, под глазами глубокие синие круги, словно она перед сном не смыла тушь. Длинные пепельные волосы утратили блеск и свалялись. Бледные щеки, из-под фарфоровой кожи выступают тонкие голубые прожилки. Спать она вчера рухнула все

в той же блузке, в которой приехала в дом и носилась по окрестностям.

Сейчас же Есения отчаянно нуждалась в горячем душе и смене белья. Подумав о том, чтобы набрать Машу и попросить ее принести ей вещи из тех, что наконец-то доставили грузчики, Есения огляделась по сторонам и не обнаружила своего телефона. Возможно, оставила его в столовой. Нырнув в пахнущие застоявшейся влагой джинсы, она направилась к двери, распахнула ее и чуть не упала, споткнувшись о чемоданы.

Еще раз воздав хвалу Вселенной за то, что та послала ей Машу, Есения втащила чемоданы в комнату и решила сама их распаковать. Она не очень любила, когда чужие люди касались ее вещей, но неизменно уступала Яну, настаивавшему на том, что заботиться об их вещах – это дело прислуги. Но в этот раз Есения решила, что все сделает сама.

Быстро распаковав чемоданы и достав свежее платье (муж будет недоволен, если она появится в джинсах второй день подряд), Есения быстро приняла душ, подкрасилась, высушила и уложила волосы, быстро соорудив несколько крупных локонов. Посмотрела на себя в зеркало и, как учил Ян, улыбнулась. Улыбка вышла жалкой. Ну что же, сейчас у нее не так много поводов для веселья.

Подойдя к двери и взявшись за ручку, Есения на краткое мгновение закрыла глаза, прислонившись лбом к теплой шершавой поверхности натурального дуба. Затем, со-

бравшись с духом, все-таки открыла дверь и медленным шагом направилась к концертному залу, откуда музыка мощным потоком заливала все вокруг.

Ян был настолько прекрасен, что у нее захватило дух. Купающийся в лучах умытого дождем солнца, что вливалось в огромные окна стремительным потоком, он, казалось, был соткан из этих самых лучей и крошечных пылинок. Сказочный эльф, придуманное воображением существо, которое не в силах справиться с земными тяготами. Поцелованный Богом. В его невероятном таланте крылась его слабость. Музыка Ян мог творить, только когда уходил из этого мира.

Он лихорадочно перебирал клавиши, и на свет рождались звуки, вызывающие у тонких натур слезы. Есения замерла в дверях, закрыла глаза и слушала. Ее уносило волнами, сотканными из нот, все улетучивалось, пудовые гири упали с ног, и невидимые заботливые руки подняли ее и понесли куда-то к свету, теплу и счастью.

– Любовь моя. – Ян поднял голову и заметил жену. По-мальчишески улыбнулся, и сердце Есении снова ухнуло вниз – он под кайфом. В этом не приходилось сомневаться.

Энергично вскочив со стула, Ян в несколько шагов преодолел огромное пространство. Наркотик всегда вливал в него энергию, энтузиазм и пробуждал дикое желание действовать.

– Прости, родная. – Он привлек Есению к себе и зарылся лицом в волосы. – Как ты вкусно пахнешь. Я не смог удержаться.

жаться. Знаешь, вчера этот дом, он просто... просто раздавил меня. Он грандиозный. Я понял, что смогу написать в нем второго «Призрака Оперы». А возможно, даже нечто более великое. Ты слышишь, как поют здесь солнце и тень? Как звенит хрусталь? Как скользят призраки тех, кто танцует здесь вечный бал? Это будет невероятно, Яшенька, я тебе клянусь. Но мне это нужно, сам я не смогу.

– Ты должен вернуться в клинику, ты не долечился. – Есения положила хрупкую ладошку на рот мужа, прерывая поток красноречия. Зная, что, позволь она Яну снова говорить, он сможет ее убедить.

– Нет, милая, нет, – Ян взял ее за руку и поцеловал, – я напишу новую оперу, а потом пойду лечиться, в последний раз.

– Ян, но ты же мне обещал, – не в силах заплакать прохрипела Есения, чувствуя, как солнечный свет испаряется и в огромном зале снова не хватает воздуха. – Ты поклялся!

– Я знаю. – Неожиданно Ян бухнулся на колени и прижался щекой к ее животу. – Хочешь, я завяжу? Вот прямо сейчас. Больше ни одной дозы, клянусь. А ты роди мне ребенка, умоляю, он все изменит.

Есения затряслась. Как объяснить наркоману, что он не имеет права производить потомство, когда находится в таком состоянии? Она бы больше всего на свете хотела родить малыша, похожего на Яна, но рожать от наркомана означало обречь ни в чем не повинное создание на вечные муки. Ведь

у наркоманов не бывает здоровых детей.

– Только после того, как ты вылечишься, – только и сумела вымолвить она, а руки мужа обнимали все крепче и настойчивее.

Ему было плевать на присутствие посторонних в доме. Точнее, он их не замечал. Они были в его жизни с самых первых дней. Просто прислуга. Те, кто заботился о нем и делал его жизнь комфортной. Привилегия богачей.

Есения попыталась сопротивляться, но у нее ничего не вышло. Ян увлек ее за собой в спальню и спустя полчаса, свежий и отдохнувший, словно и не было этой безумной ночи под кайфом, презентовал ей подарок: рубиновое ожерелье и серьги.

Тяжелое, совсем не подходящее хрупкой Есени, оно завораживало, от него невозможно было оторвать взгляд. В окружении бриллиантов крупные камни казались темными, почти черными. В дневном свете они не играли. Нужно было дождаться ночи и огня свечей, который преобразит грани и преломится в них миллионом оттенков. Такие украшения можно носить только ночью, потому что лишь под ее покровом зарабатываются деньги, достаточные, чтобы позволить себе подобную роскошь. Есения только и смогла кивнуть, выражая благодарность.

– Тебе нравится?

Муж слегка нахмурился. Он всегда задавал этот вопрос. Дежурный. Есения никогда не смела ответить отрицательно.

Вот и сейчас она провела пальцами по острым краям огранки. Впрочем, это мозг услужливо подсказал ей, что огранка, должно быть, острая. Сама она этого, естественно, не почувствовала.

Ян вскочил с постели и, накинув на себя идеально отглаженную белоснежную рубашку – наверняка работа Нины Сергеевны, – принялся тщательно застегивать ее.

– Ты говорил серьезно про последний раз? – чуть дрогнувшим голосом спросила Есения.

– Конечно! Я сильный, Ясечка, мне нужно только самому захотеть, и я справлюсь. Доктора ничего не понимают. Видишь ли. – Ян снова присел на кровать и заглянул лучистыми глазами в обрамлении густых черных ресниц Есении прямо в душу. – Видишь ли, все эти врачи были бессильны по одной простой причине – я сам не хотел лечиться. Мне казалось, что это убьет мой талант. Ты же знаешь, что музыку я пишу только под кайфом. Но сейчас, здесь, я чувствую, что мы на пороге чего-то нового. Этот дом дарит мне вдохновение. Ты рядом. И наш малыш... Надеюсь, что он скоро появится. Ты будешь прекрасна в ожидании. Я растоплю камин, усажу тебя в кресло-качалку, ты будешь вязать ему крохотные одежки, а я буду сочинять для него колыбельные. И свою оперу. Я увековечу тебя, любимая. Я посвящу свое лучшее произведение тебе, и ты войдешь в вечность. Благодаря моей музыке. Это меньшее, что я могу для тебя сделать за все эти годы.

Картина, нарисованная Яном, была настолько яркой, что

Есения улыбнулась, и в груди у нее сладко защемило от невыразимого чувства счастья. Чего еще желать? Денег у них столько, что хватит на три жизни. Этот дом можно сделать прекрасным. Их собственным. Они сами решат, как им его отремонтировать и обустроить. Никаких дизайнеров – это будет их гнездо. А потом она сама займется садом. Давно об этом мечтала.

– Ты серьезно? – не в силах поверить собственному счастью, спросила Есения.

– Серьезней некуда, – кивнул Ян, – я все точно решил. Знаешь, сегодня ночью я придумал либретто. Это будет произведение о бедном парне, который ничего не умел, кроме как писать музыку. Все его за это стыдили, считали ничтожеством, ведь он не умел зарабатывать деньги, а мог лишь целыми днями сочинять и петь серенады. Он был веселым, беззаботным и очень счастливым. А потом он влюбился в дочь очень богатого человека. И ему нечего было ей предложить кроме вечности, а вокруг нее уже толпились женихи. И поэтому он решил написать нечто такое, что прославит его, сделает очень богатым, а имя любимой запишет в вечность. Он планировал назвать свой шедевр ее именем. И, позабыв обо всем – о еде, о сне, об отдыхе, – он начал писать. Вот только у него ничего не получалось. Все выходило пошлым, банальным и вторичным. Уже было объявлено о свадьбе любимой с другим – и вот тогда музыкант решил продать душу дьяволу, чтобы тот даровал ему талант, которому нет рав-

НЫХ.

Ян замолчал, уставившись внутрь себя, на что-то, недо-
ступное взгляду Есении. Она вдруг почувствовала, как по
коже побежали мурашки. Ей стало по-настоящему страшно.
Словно Ян и был тем композитором, продавшим душу дья-
волу. Ей даже пришлось тряхнуть головой, чтобы рассеять
наваждение.

– Я назову эту оперу «Есения» и прослаблю тебя на весь
мир! – заявил Ян, поцеловав жену, и продолжил одеваться.

– До того как ты полностью уйдешь в сочинительство, мы
можем один вечер побыть обычными людьми? Я купила би-
леты в кино. – Накинув на себя одеяло, Есения подтянула
ноги к груди и замороженно смотрела на мужа – как природа
могла создать нечто столь совершенное? И как он мог так
долго оставаться с нею рядом? Она ведь этого не заслужи-
вает. – Пойдем? Только ты и я, вдвоем, как когда-то давно.
Такой шанс, пока нас никто не знает!

– В кино? – Натянув брюки, Ян повернулся к жене, и у нее
перехватило дыхание. Голубые, по-детски широко распахну-
тые глаза смотрели доверчиво и открыто.

– Да, в кино, мы с тобой сто лет не были в кино. Помнишь,
когда мы ходили туда в последний раз?

Ян нахмурился, пытаясь вспомнить, но ничего не вышло.

– В школе? – неуверенно спросил он.

– Да! – триумфально воскликнула Есения. – Ты еще ку-
пил мне сладкую вату, я ее съела, все пальцы стали липкими,

и я не знала, что мне делать. Мне не хотелось мешать зрителям и выходить, чтобы помыть руки, а сидеть с липкими пальцами было невыносимо.

– А я взял и просто облизал их, – рассмеялся Ян.

А вслед за ним и Есения наконец-то впервые за много дней искренне улыбнулась.

Тот день, о котором они сейчас вспоминали, был самым счастливым в ее жизни, ведь он дал начало всему. Почему же она не смогла удержать это счастье? Что и когда именно пошло не так? Возможно, еще не все потеряно? Возможно, этот дом действительно их шанс на лучшую жизнь? И в нем Ян сумеет сдержать обещание. Он напишет свое лучшее произведение, завяжет с музыкой и станет просто мужем и отцом. От сладостных мечтаний Есению оторвал голос мужа.

– Милая, а я разве забыл упомянуть, что у нас сегодня гости? – не меняя благостного выражения лица, поинтересовался Ян.

– Гости? – бестолково переспросила Есения. – Какие гости? Мы же только приехали.

– Ты же знаешь, как это бывает, – вздохнул Ян, снова присаживаясь рядом с Есенией, беря ее лицо в руки и приближая к себе. – Будет губернатор с женой, местный мэр, или председатель сельсовета, не знаю, как он точно называется. Директор театра. Министерство культуры, естественно, еще какие-то деятели. Возможно, местная полиция и налоговая. В общем, все как обычно. Я рассчитываю на тебя, милая. На-

день эти камни, пусть они знают, с кем имеют дело. И контролируй Машу, все должно быть организовано по высшему разряду.

* * *

Ужин удался. Впрочем, все их ужины всегда удавались. Маша и Светлана постарались на славу. Маша успела привести в порядок сервизы, Нина Сергеевна отгладила скатерти. Хрусталь искрился и переливался, тонкий фарфор звенел в такт легкому позвякиванию серебряных приборов. Вина лились рекой. Впрочем, Есения была уверена, что большинство присутствующих отдали бы предпочтение домашней наливке или банальной водке. Но Ян всегда и во всем старался демонстрировать класс, подтягивать людей на свой уровень, как он говорил. Ведь если кого-то впечатлит ужин, накрытый по всем правилам и при свечах, то, возможно, потом он устроит такое же пиршество у себя дома – и культура пойдет в массы.

Есения в это не верила, считала, что все эстетические заветы Яна сродни метанию жемчуга перед теми, кому это вообще не нужно. Но просьбы Яна в доме никогда не обсуждались. Поэтому она расстаралась и оформила все по высшему уровню.

Свечи горели повсюду, озаряя пространство тем особенным светом, что обволакивает и убаюкивает, переносит в

другое измерение и словно открывает двери в потустороннее. В волшебном полумраке даже откровенно некрасивые дамы выглядели блистательными красавицами, похожими на экзотических бабочек.

Все они порхали вокруг Яна. Разрешит ли он им, усядутся ли возле его ног и не сводит ли с кумира глаз. После парада традиционных селфи со звездой (через час вся округа будет знать, кто же поселился в доме на холме, и прощай спокойный поход в кино) они наперебой принялись щебетать с Яном, безуспешно пытаясь привлечь его внимание. Увлечь, похитить, урвать пусть хоть минуту, но в течение этой минуты они будут безраздельно властвовать над ним.

Присутствие Есенин их совершенно не смущало. Тихая и незаметная, ушедшая в тень от блеска дорогого ожерелья, она ловила скользящие по ней взгляды, в которых явно читалось недоумение – ну что такой красавец нашел в этой серой мышке? Есенин настолько к таким взглядам привыкла, что воспринимала их как должное. Хотя к сегодняшнему вечеру она принарядилась в вечернее платье, плотно облегающее стройную фигуру, и соорудила прическу. В такие моменты она должна была быть идеальной, чтобы не подвести Яна.

Тот же купался в волнах обожания, выпитывал флюиды любви. Был любезен и очарователен со всеми и одновременно ни с кем. Есенин не сводила с мужа взгляда, прилагая все усилия, чтобы не запаниковать и не выдать себя с головой.

Она безошибочно видела все признаки начинающейся

ломки – прошибающий Яна пот, замедленную речь, путающееся сознание, расширенные зрачки, гусиную кожу на руках. Ей хотелось выгнать всех этих статистов из дома, закрыться на все замки и держать мужа за руку, переживая поочередно стадии агрессии, гнева и буйства. Быть рядом и не давать демонам пустить корни в его тело и утащить его в ад окончательно.

В мечтах она подходила к губернатору и его отчаянно молящейся жене, щеголявшей, несмотря на шестой десяток, в мини-юбке и высоких сапогах, указать им на время и сказать, что они слишком задержались. Наверняка вслед за ними на выход последовала бы вся свита.

Но она молчала. По обыкновению забившись в угол, стараясь стать невидимой и концентрируя остатки сил на Яне. Чтобы дать ему возможность сдержать обещание – справиться и удержаться.

Сейчас Есения не могла вспомнить, кто первым предложил вызвать призрака. Кажется, экзальтированная губернаторша выкрикивала что-то по поводу того, что в таком особняке обязательно должны водиться привидения и не вызвать ли им одно прямо здесь и сейчас. Ей вторил директор театра, нелепо одетый во фрак и рубашку со старомодной манишкой, словно он собрался на представление. Из кармана фрака выглядывал смятый платок, который явно отчаянно сопротивлялся, когда его запихивали в карман в тщетной попытке придать директору respectable вид. Есенин по-

казалось, что перед приходом на ужин ко всемирной знаменитости директор театра наведалься в костюмерную, чтобы придать себе достойный вид, но если слегка потрепать его пышную шевелюру и задорно торчащие усы, то те отвалятся. Директор выглядел словно ряженный. К тому же он перед всеми лебезил и особенно старался угодить губернаторше. Ему вторила свита, напоминающая безмозглых разноцветных канареек. И лишь начальник полиции спокойно и уверенно усмехался, ощупывая всех цепким внимательным взглядом. У него на руке висела молодая девица, кажется, ее звали Яночка. Периодически она взмахивала ресницами, похожими на опахала, и дула губки так, что Есении казалось, что в какой-то момент они разорвутся.

Неизвестно откуда появился лист картона и небольшое блюдо из сервиза прежнего владельца. Есения обратила на эту посуду внимание утром – нежные фиалки на белом фарфоре скромно поблескивали в глубине объемного, украшенного затейливой резьбой буфета, стоящего в столовой. Она мельком подумала, что неплохо было бы достать и рассмотреть сервиз повнимательнее, чтобы понять, в каком он состоянии, но отвлеклась на подготовку к приему. А кто-то другой не поленился и достал хозяйскую посуду без разрешения.

Толстый фломастер обнаружился у директора театра. На картоне немедленно был начерчен кривой круг, который украсили буквами алфавита. После недолгих споров, кого же будут вызывать, кто-то воскликнул:

– Дух самоубийцы!

На него тут же зашикали, а на удивленный взгляд Есении начальник полиции нехотя пояснил:

– Не обращайтесь внимания, просто глупые слухи.

Есению это неожиданно задело. В конце концов, это их с Яном дом и как хозяйка она имеет право знать обо всем, что его касается.

– И все же? В доме произошло самоубийство? – неожиданно проявила она настойчивость.

Начальник полиции уже собирался отмахнуться и весело уйти от темы, но что-то во взгляде Есении ему помешало. Она смотрела пристально, не отводя глаз. Начальник полиции вздохнул, подвинулся поближе, краем глаза наблюдая за веселой суетой – лист картона уложили на пол, поставили в середину блюда, и дамы с их спутниками опускались на колени прямо на дубовый пол, образуя кружок вокруг картонного алфавита.

– Поговаривали, – начальник полиции приблизил круглое лицо к лицу Есении, и она почувствовала его дыхание, отдававшее сладким итальянским вином, – поговаривали, что первый хозяин того...

Есения не сводила с него непонимающего взгляда, и полицейский был вынужден продолжить:

– Ну, в смысле, совершил самоубийство он. Из окна чердака выбросился.

– Он же во Францию уехал, – искренне удивилась Есения.

О том, что в доме кто-то умер, им, по всей видимости, забыли сообщить. Так же, как и о пожаре. Внезапно идея задержаться в особняке надолго перестала казаться столь привлекательной.

– Во Францию уехал не хозяин, а его родной брат. Он женился на вдове, унаследовавшей все состояние, и уехал.

– Это точно? – Есении показалось, что сердце остановилось. Только дома с самоубийцами им еще не хватало. Еще неизвестно, на что это может вдохновить Яна.

– Ну документов я не видел, так что утверждать не буду... Дела давно минувших дней.

– Пал Иваныч, Пал Иваныч, сюда, идите же сюда, – замала руками губернаторша, уже сидевшая на полу и переливавшаяся, словно новогодняя елка в огне свечей.

Казалось, что именно она является хозяйкой этого дома и отдает распоряжения. О настоящей владелице все позабыли.

Есения наблюдала за происходящим, словно за нелепой трагикомедией. Ей хотелось возмутиться, остановить дурацкую затею, но она не привыкла отдавать приказания и никогда в жизни никому ничего не запрещала. Предчувствие беды навалилось на нее, словно тяжелое одеяло, его хотелось сбросить, но руки сковало, а слова застряли в горле. Она понимала, что должна вмешаться. Приказать всем этим нелепым шутам немедленно прекратить идиотскую затею, убраться и вызывать призраков в каком-нибудь другом месте, она не хочет этого в своем доме. Есения тут же осеклась –

это не ее дом, она не имеет на него никакого права. Кто она такая, чтобы кого-то выгонять? Ведь это дом Яна. А ее муж, кажется, не возражает. Развлечение вполне в его духе, потом он напишет произведение на смерть самоубийцы и сорвет оации.

Тем временем гости остановились на двух кандидатурах – Маяковском (по словам губернаторши, он ужасно забавно матерился) и Есенине. Победил Есенин как дань уважения хозяйке дома. Хотя самой Есенин это показалось форменным издевательством, но она лишь слабо улыбнулась, когда десяток пар глаз уставился на нее.

Свет почти погас, в огромном зале остались зажженными лишь несколько свечей (губернаторша настаивала, что все должно происходить в полумраке). В сгустившемся сумраке Есения даже не могла рассмотреть углы комнаты. Внезапно ей показалось, что там затаилось зло. Сейчас оно накроет собой все пространство, загасит остатки свечей, и потревоженный дух поэта утащит их всех с собой в преисподнюю.

Тем временем губернаторша, ее муж, который, очевидно, в домашней атмосфере не смел перечить супруге, директор театра, главный полицейский, Яночка, еще парочка каких-то деятелей, которых Есения не смогла опознать, а также две женщины неопределенного возраста, судя по их прическам, ответственные работницы, соединили ладони вокруг блюда.

Верховодила губернаторша, она же и начала ритуал дро-

жащим голосом:

– Вызываю дух Сергея Есенина. Сергей, вы нас слышите? Явитесь нам, мы хотим поговорить!

Несколько мгновений ничего не происходило. В мертвенной тишине отчетливо послышался бой часов, стоящих в концертном зале. Они отбили восемь. Есения с тоской подумала, что через полчаса начнется кино, а она вынуждена смотреть на нетрезвых малознакомых людей, занимающихся ерундой. А что, если все бросить и убежать? Пока не стало слишком поздно.

Послышался нервный смешок Яночки. Губернаторша кинула на нее уничижительный взгляд.

– Сергей, вы здесь? – снова взвыла она.

Блюдце неожиданно дернулось, и ладони участников, словно приклеенные, начали двигаться за ним.

– Д...А... – медленно прочитала губернаторша, а Яночка снова вскрикнула, но уже от испуга. Губернаторша шикнула на нее, а потом подобралась и загадочно усмехнулась, словно была Айседорой Дункан, а в помещение и в самом деле вошел молодой Сергей Есенин.

Все остальные гости, не участвующие в перформансе, инстинктивно разбились на небольшие группки и жались друг к другу, словно страшась чего-то.

– Мы хотим задать вам несколько вопросов, – уже менее уверенным голосом, добавив в него заискивающие нотки, сообщила губернаторша.

Блюдец снова дернулось и, ведомое ладонями, начало метаться по листу картона:

– Б...Ы...С...Т...Р...О, – прочитала Есения и заметила недоуменный взгляд, который полицейский начальник бросил на губернаторшу.

– Подождите... так, что же спросить... – залепетала губернаторша, собираясь с мыслями.

– Спросите, выйду ли я замуж! – тоненько выкрикнула Яночка, а губернаторша, забыв о собственном реноме и присутствии почившего поэта, процедила сквозь зубы:

– Заткнись, дура... Так, все, я готова. Сергей, что нас ждет в ближайшем будущем? – триумфально спросила она, а Есении вопрос показался одновременно глупым и страшным. Глупым, потому что всех не может ожидать одинаковое будущее, а страшным, потому что она сама его знать не хотела.

Некоторое время блюдец стояло на месте.

– Он ушел? – снова не выдержала Яночка, а губернаторша уже закатила глаза и собиралась отчитать дуру, как блюдец вдруг неожиданно дернулось.

– С...М...Е...Р...Т...Ь...

Наступила оглушительная тишина, которую, казалось, можно пощупать. А потом все начали говорить одновременно. Яночка зарыдала, полицейский начальник принялся неловко ее утешать. Директор театра смотрел на лист словно замороженный, а Есении захотелось громко завизжать. В

этот момент одновременно распахнулись дверь в зал и французское окно. Порыв ветра из сада загасил все свечи. Кто-то заорал от ужаса, а кто-то догадался щелкнуть выключателем. В дверях появилась Светлана, вкатывая в душное пространство огромную сервировочную тележку, на которой кокетливо расположились десерты и кофе. Наваждение рассеялось.

– Ерунда какая-то, в самом деле, – бормотал полицейский, похлопывая Яночку по плечу, словно боевого товарища. Та рыдала навзрыд, щедро орошая слезами светло-серый пиджак своего спутника.

– Ничего другого не могла придумать? – бубнил губернатор губернаторше.

Та в ответ обожгла его уничижительным взглядом и очень хотела что-то сказать, но сдержалась.

– Никогда такого не видел, – бормотал директор театра, который так и остался на полу возле блюда, стоящего посреди листа.

Лист выглядел нелепо с наспех нацарапанными на нем буквами. Откуда вообще взялся этот картон? Интересно, что об всем этом думает Ян?

Взгляд Есении в панике заметался по залу. Перескакивая с одного малопривлекательного лица на другое в тщетных поисках мужа.

Спокойно, скомандовала себе Есения, дыши. Он мог просто выйти в сад, чтобы с кем-то побеседовать. Возможно, его увлекла за собой какая-нибудь поклонница, считающая, что

откровенного декольте и смазливой мордашки достаточно, чтобы привлечь гения. Или же он просто вышел в туалет.

Никем не замеченная, Есения попятилась к выходу из зала. Найти Яна, найти любой ценой! Выйдя за дверь и тихонько прикрыв ее за собой, Есения очутилась в холле, где и столкнулась с мужем. Веселым и оживленным. Глаза блестели, улыбка помимо воли растягивала губы, а энергия плескалась через край.

– Ян, где ты... Ты же обещал...

Есения попятилась назад, в очередной раз проклиная себя и называя дурой. Как она могла ему поверить? Как? Сколько раз были все эти мольбы и обещания, она же знает, чем это все обычно заканчивается, так почему она все еще на это ведется?

– Ясенька... Милая, это невыносимо. Все эти люди настолько скучны и банальны, ты просто не представляешь. Если бы ты разрешала мне пить, то я бы еще смог удержаться. Это в последний раз, клянусь тебе. – Ян протянул руку, но Есения отшатнулась от него, как от гремучей змеи.

– Не прикасайся ко мне! – прошептала она и рванулась к двери, больше не в силах все это выносить. Куда угодно, лишь бы не оставаться здесь.

Ян оказался проворнее. Доза всегда придавала ему силы и энергии. Он опередил Есению и преградил ей путь к выходу, загородив собою дверь.

– Ты куда? – крикнул он. Улыбка исчезла, в глазах полых-

нул опасный огонек. Ян не терпел, когда его не слушались.

– Я? – Есения даже на миг растерялась, она ведь и правда не знала, куда идет. И вдруг выпалила неожиданно для самой себя: – Я в кино!

– Что? – нахмурился Ян. – Какое еще кино? Ты с ума сошла? У нас же гости!

– О нет, – горько рассмеялась Есения, – это у тебя гости, Ян. Они даже не заметят моего ухода. А если и заметят, то обрадуются. Я явно здесь многим мешаю. К тому же они очень заняты призраками. Ты, кстати, знаешь, что хозяин этого дома покончил с собой?

– Что? Не говори ерунды, – отмахнулся Ян и протянул руки, намереваясь обнять жену, но та снова ускользнула.

– Нет, я иду в кино, Ян, потому что я хочу в кино, а не к этим людям и их призракам. Это твои гости, ты их и развлекай. Тебе же плевать на мои просьбы, так почему же я должна исполнять твои?

Ян смотрел на жену и не верил своим глазам. Всегда тихая и спокойная, неспособная на бунт, Есения в один момент перестала быть собой.

– Это что, забастовка? Ты же знаешь, чем все может закончиться. Ты же мне обещала, что это больше не повторится, – криво усмехнулся он и понял, что попал точно в цель.

Есения замерла, сжалась, словно от удара, и снова стала растерянной и слабой. Такой, какой он ее любит. Но вопреки ожиданиям Яна, что жена снова сдастся и молча снесет

очередное предательство, та неожиданно расправила плечи и откинула волосы с лица:

– Ты мне тоже обещал, что больше это не повторится.

И, воспользовавшись тем, что Ян отвлекся на появившуюся из зала губернаторшу, приторно-фальшивым голосом засюсюкавшую, что они его потеряли, и интересующуюся, что он думает обо всем происходящем, Есения схватила с небольшой консоли, стоящей у входа, сумочку и выскользнула за дверь.

И, лишь очутившись на улице, запаниковала – куда она сейчас пойдет? В вечернем платье, с дурацкими рубинами. В сельский кинотеатр? Рука инстинктивно потянулась к тяжелому ожерелью, душившему ее целый вечер, нащупала за-тейливую застежку. Закинув сумочку на плечо, Есения двумя руками расстегнула ожерелье, небрежно кинув его в карман. За ним последовали серьги. Сразу стало легче.

Губернаторша пьяна в стельку. Есения, за долгие годы на-смотревшаяся на пьяных, возбужденных ее мужем дам, распознала ее состояние безошибочно. Она и не вспомнит о том, что видела семейную сцену. Будет упиваться некоторое время тем, что получила кумира в единоличное пользование. Ян хоть и под кайфом, но умеет рассчитывать дозы и себя контролирует, он ничем себя не выдаст. Гостей никогда не бросит – воспитание не позволит. Поэтому вслед за женой он не побежит. Она сейчас совершенно свободна в своих действиях.

Есения горько усмехнулась, вспомнив тот случай, на который ссылался Ян. Они здорово разругались, когда на второй день после выхода из реабилитационной клиники Ян вколол себе какое-то новое вещество. Есения тогда настолько разозлилась, что купила билет на первый попавшийся самолет, но успела доехать только до аэропорта. Ей позвонили и сообщили, что муж в больнице. Наркотик, который он себе вколол, оказался не самого лучшего качества, и Ян едва не отправился на тот свет. Есения тогда винила во всем себя, хотя, по здравом размышлении, она не была хоть в чем-то виновата. Но ей казалось, что ее присутствие рядом каким-то образом оберегает мужа. Впрочем, сейчас не стоило опасаться, что Ян снова подвергнет себя опасности. Он уже принял дьявольское зелье, и, судя по всему, оно было отменного качества. Поэтому Есения задумалась о том, а что же ей, собственно, делать с кратковременной свободой.

Она, конечно, может пристроиться где-нибудь в саду на одной из многочисленных лавочек, подождать, пока гости разъедутся, – и быть сожранной августовскими комарами! Вариант не вдохновлял, и Есения невольно задумалась: а почему бы ей и в самом деле не пойти в кино? Она ведь так этого хотела. Как часто она делает то, что действительно хочет? Или даже не так – как часто она вообще чего-то хочет в отрыве от Яна?

Нащупав в сумочке билеты, которые купила Маша, Есения направилась к гаражу. Ехать на велосипеде в вечернем

платье будет, конечно же, нелепо. Впрочем, как и явиться в таком виде в кинотеатр. Хотя плевать. Войдет в зал после начала сеанса и выйдет, не дожидаясь титров. Никто и не заметит. Ее никогда никто не замечает.

...Ян, улизнувший от опьяневшей публики, смотрел вслед растворяющимся в темноте огням машины, на которой уехала Есения. Он догадывался, чего жене стоило сесть за руль – водить машину она не любила. Должно быть, она и в самом деле в бешенстве. Наверное, ему стоило сейчас бросить всех этих глупых, назойливых людей и последовать за Есенией. Сходить с ней в кино, в самом деле. Не так уж это и сложно, ведь большую часть времени Есения была смиренна и никогда ни о чем не просила. Но голос разума был заглушен другим голосом. Ян почувствовал давно забытое и оттого особенно сильное желание играть. Как в детстве. В прятки или в кошки мышки. Впервые за долгое время Ян улыбнулся, и улыбка эта была искренней. Что там бормотала губернаторша про призрака?

Ветер

Они праздновали Вовкин день рождения в ресторане, который открыл их одноклассник Костик Титов. Расположив его прямо в центре поселка, на главной площади, по соседству с кинотеатром, Костик попытался придать заведению итальянский колорит. Большая открытая терраса с массой

столиков, ненавязчиво льющиеся в уши итальянские хиты из детства, обширный выбор пиццы и вино от Ветра, ничуть не уступающее итальянским винам. В ресторане всегда было полно народа. Кто заходил поесть итальянское мороженое джелато, кто выпить по бокалу-другому, а кто и устроить семейный праздник. Костик никого не ограничивал и не требовал минимальный чек. Как и итальянским рестораторам, ему просто хотелось видеть свое заведение заполненным.

Тина опаздывала, чистила перышки, как она выразилась. Но Ветер не обратил на это никакого внимания. Болтал с Гришей и Сашкой, одноклассниками, давно подавшимися в столицу и приехавшими забрать брошенных на лето детей от бабушек. Парни благоухали столичными ароматами, но выглядели при этом нервными и задерганными.

– Я квартиру в ипотеку взял, новостройку, сколько можно скитаться, пора уже корни пускать, – похвастался Сашка, умолчав о том, что после того, как жена родила третьего ребенка, из съемной квартиры их просто выселили, а новую снять им не удалось. – Мне на работе льготный кредит дали, под низкий процент.

– И сколько ты ярмо тянуть будешь? – усмехнулся Ветер, приканчивая второй бокал и неожиданно ощутив, как вино ударило в голову.

Уже несколько раз он кидал заинтересованные взгляды на двух девушек, сидящих за столиком напротив. Уж слишком пристально те его разглядывали. Отсалютовал им бокалом –

девчонки захихикали. Наверняка дачницы. В последнее время экотуризм набирал обороты и дачников приезжало в их заповедные края все больше. А после эпидемии ковида, которая заставила городских жителей разбежаться по сельской местности, население поселка увеличилось почти вдвое, что и натолкнуло Костика на мысль открыть ресторан.

Вечер был теплым. Один из тех, которые щедро выделяет август, отдавая миру накопленное за лето тепло и освобождая место для наступающих холодов. Птицы пели как оглашенные, в воздухе разливался стрекот цикад, заглушая экспрессивное пение Челентано.

– На двадцать лет ипотека. Но если Аська выйдет на работу, то, может, раньше выплатим, – с какой-то обреченностью вздохнул Сашка.

– Выплатишь, выплатишь, – Ветер похлопал его по плечу, – я в тебя верю. Ну а ты, Гришка?

– Да что я? – забубнил тот. – Развелся, теперь с девушкой живу, у нее. Вот думаю жениться.

– Любовь? – Ветер искренне обрадовался за друга, но по быстрому взгляду, брошенному тем влево, сразу же догадался – о любви и речи не идет.

– Ты же знаешь, у меня псориаз, – промямлил Гришка словно в оправдание – надо брать, что дают. Она хорошая, хозяйственная.

Фраза умерла в тишине. Некоторое время старые друзья сосредоточенно смотрели в свои бокалы, пока их внимание

не привлек шикарный джип, захавший на центральную площадь и безуспешно попытавшийся отыскать место для парковки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.